

*Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений*

НИКОЛАЙ БОГДАНОВ

Тайна Юля-Ярви

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Николай БОГДАНОВ

Т А Й Н А
ЮЛЯ-ЯРВИ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1953

Мы приехали на аэродром, чтобы рано утром вылететь в Москву. Впрочем, с таким же успехом мы могли вылететь поздно вечером. Стояла полярная ночь, и эти понятия — день или ночь — были относительными. Только часы указывали нам время, когда рано и когда поздно, когда нужно обедать и когда ложиться спать.

Полярная ночь не похожа на чернильный мрак южных ночей. Полгода над снежными просторами царит серебристо-серый волшебный полусвет, всё кажется таинственным и нереальным. В такое время человек никогда не увидит на снегу своей собственной тени. И если бы не огни новостроек, засиявшие здесь на следующий день после войны, этот заполярный край мог бы показаться заснувшим навеки.

Билета на самолёт мне не досталось. Все места на воздушный корабль были уже распределены. Нужно было отыскать командира

корабля и уговорить его принять одного пассажира — меня — сверх нормы.

Серебристо-алюминиевая машина стояла на глади аэродрома, раскинув свои могучие крылья, словно огромная полярная сова. Безмолвие... Ни одной живой души...

Мы уже собрались уезжать ни с чем, но вдруг заметили вспыхнувший невдалеке костёр, а над ним — склонившегося человека. Человек зажгёт налитый в выдолбленную в снегу лунку бензин, грея над пламенем руки. Поодаль от костра заметили другого человека в меховом комбинезоне. Он налаживал крепление лыж.

Мы подошли к лыжнику и спросили, как найти нам командира воздушного корабля. Лыжник неожиданно для нас ответил звонким женским голосом:

— Могу помочь вам...

Девушка-летчик взялась проводить нас в гостиницу, где находился командир корабля и ночевали пассажиры. Она стала на лыжи и так быстро заскользила вперёд, что мы едва поспевали за ней на машине.

В окнах маленькой деревянной гостиницы сверкали огни. В её салоне проходил, повидимому, вечер самодеятельности. Оттуда доносились музыка и пение. Когда мы вошли, услышали концовку какой-то песни:

Так погибла злая Импи —
Дикий выродок из рода.
Вы скорей летите, птицы,
Прилетайте, тьму развейте
Над странюю Калевалы!..

Седобородый старец, сидевший на табуретке в углу у огромного зеркала, последний раз ударил по струнам и умолк. Загремели аплодисменты. Затем старика провели мимо нас под руки, как слепого. Подмышкой он держал кантеле¹. От старика и его песни на нас повеяло северной сказкой.

— Кто это?

— А это наш известный сказитель, — шёпотом ответила девушка.

Пришлось нам пожалеть, что мы не послушали знаменитого сказителя рун.

Не застали мы и командира корабля. Он уехал по каким-то делам, но скоро должен был вернуться.

Видя наше огорчение, девушка, с которой мы познакомились на аэродроме, приняла в нас сердечное участие. Скоро мы сидели в её комнате, увешанной мехами и коврами, и ели апельсины, снимая с них кожуру и золотыми звёздами складывая её на ободок кафельной печки.

— То, о чём поёт старик, считается уже легендой; теперь мне и самой не верится, что я участница события, которое легло в основу создания новой северной руны, — сказала наша хозяйка. На её курточке двумя рядами пестрели разноцветные орденские колодки. — Карелы ведь очень поэтичны. Недавно прошла война, и вот уже слушаем о ней народные легенды. Если хотите, я вам расскажу одну историю. Это о ней пел сейчас старик. Вот послушайте.

¹ К а н т е л е — струнный музыкальный инструмент.

Во время войны я летала в этих местах: возила на фронт разные грузы, почту. Однажды мне приказали доставить авиационного командира Владимира Петровича Шереметьева посмотреть новый аэродром на озере Юля-ярви, где должен был сесть полк бомбардировщиков. С этого нового аэродрома предстояло нанести удар по базе фашистских самолётов и подводных лодок в К.

На озеро Юля-ярви я уже не раз летала. Нелегко найти его среди сотен других озёр, разбросанных здесь между холмов и скал.

Озёра эти очень похожи одно на другое даже по названиям. Тут все «ярви». И Юля, и Бюля, и Лава-ярви. Новый человек может и с картой запутаться. Я различала их только по очертаниям, по рисунку берегов.

На Юля-ярви долетели без приключений. Шереметьев убедился, что снег на озере расчищен, лёд надёжный, всё сделано отлично, и тут же по радио сообщил своему полку условное «добро». Ему самому хотелось привести сюда боевой самолёт, оставленный на нашем базовом аэродроме, и мы быстро снялись и полетели обратно.

Но природа Севера коварна. Соседство великого Ледовитого океана приносит много неожиданностей. Вылетишь в ясную погоду, а через час попадёшь в туман. С утра тихо, а в полдень вдруг закружит метель, завоет ураган. Тут уж садись немедленно, как делают все птицы на Севере.

Вот такой внезапный ураган и застал нас на обратном пути.

Я немедленно повернула на озеро Юля-ярви. Земля и небо скрылись в белесом мраке, и я посадила машину на ледяную гладь озера вслепую, по чутью.

Когда лыжи покатались по ровной поверхности, я с душевным облегчением откинулась на спинку сиденья. Ведь мы спаслись, не разбились.

Однако события только назревали.

Не зная, в какую сторону подрулить самолёт, я подождала минут десять, не выключая мотора. Затем несколько раз выстрелила в небо из ракетницы. Но всё напрасно, к нам никто не подошёл.

Ураганные порывы ветра прекратились, и снег теперь сыпался крупный, сухой, точно нарезанный из бумаги. Его подвижный занавес скрывал от нас весь мир и нас отгораживал от мира. Выключив мотор, мы долго слушали шелест снежинок. Что же делать?

Посоветовались и решили искать жильё аэродромной команды. На случай вынужденных посадок у меня были лыжи, автомат, сухой спирт для разведения костра.

Я прикрыла мотор чехлом, закрепила самолёт, и мы отправились.

Заблудиться было трудно. Стоило идти вдоль береговой кромки озера, и где-нибудь попадутся катки, тракторы и склады аэродрома. Однако на деле это оказалось не так просто. Снег на этом краю озера был глубокий и рыхлый. А лыжи у нас одни на двоих.

Шли попеременно: сначала я скользила впереди на лыжах, а Шереметьев брёл по колено

в снегу, затем он становился на лыжи. Жарко нам стало в меховых комбинезонах. Казалось, мы прошли уже десятки километров, а никаких людских следов не было. Особенно трудно было Шереметьеву. Он тяжелей меня и глубоко проваливался в снег. Барахтался, как медведь. Вначале это было смешно, потом стало грустно. Он совершенно выбился из сил.

Но заблудиться мы не могли. Ведь всё время держались берега озера, загромождённого валунами и скалами, и в конце концов должны были наткнуться на жильё наших людей. Уж не так велико озеро. Ну, обойдём его кругом, а всё же найдём своих!

Так убеждала я Шереметьева.

Он сел в снег, злился, чертыхался. Ругал себя, что доверился девчонке:

— Вам хорошо, товарищ Строева, вы доберётесь до жилья — и спите, отсыпайтесь. А мне что вы устроили? Я же вымотаюсь и не смогу лететь на бомбёжку. Подумать только! В К. — в узком фиорде — скопились подводные лодки, морские транспорты. Наши самолёты обрушиваются на них, как снег на голову, внезапно. Ведь фашисты не ожидают, что мы можем их достать... Товарищи мои пикируют, всаживают бомбы в осиное гнездо... А я? Нет, никакой я не лыжник! Рождённый летать, ползать не может...

Мне было смешно и горько. Невольно чувствовала себя виноватой. И мне уже казалось, что я на самом деле завезла боевого лётчика куда-то не туда.

Вдруг навстречу потянуло дымком! И не было в мире запаха приятней в ту минуту...

Все, кто живал за Полярным кругом, кто зимовал в сумраке «вечной ночи», тот знает, как радуется путника этот щекочущий ноздри дымок. Значит, где-то горит огонь, и у огня — люди. Там тепло и пища.

Мы безошибочно пришли к людскому жилью. Труден был этот путь на ощупь в белесом мраке снегопада. Снег шёл так обильно и так плотно, что слепил глаза, мгновенно заносил следы наших лыж.

Неожиданно наткнулись на бревенчатое строение. Но это был не жилой дом, а какой-то странный сарай с навесом. Под навесом мы увидели огромное мельничное колесо, причудливо обросшее громадными сталактитами льда.

Это была водяная мельница. Значит, где-то рядом жильё мельника. Может быть, в двух шагах.

Вот с трудом различимая бороздка заваленной снегом тропинки. Мы тронулись по ней и вскоре оказались у высокого крыльца дома.

Да, это было жильё мельника. Старинный дом с коньками на крыше, с резными наличниками. Он был срублен из громадных сосновых брёвен и стоял высоко, на подклети, как древний русский терем. А проще говоря — это была хорошая, добротная поморская изба с крыльцом, чело которого украшено деревянным солнцем с лучами.

Из трубы дома, навстречу снегопаду, шёл дымок. В одном окне таинственно мерцал свет.

Я взяла наизготовку автомат и, поднявшись на крыльцо, постучала в дверь. Шереметьев шёл вслед за мной. Найдя на крыльце веник, он принялся обметать мои и свои унты.

Дом был явно обитаем, но почему-то нам долго не открывали. Прислушавшись, я уловила странные мелодичные звуки, как будто в доме заиграла и смолкла музыкальная шка-тулка. Затем в неосвещённом окне появилась протаинка. Кто-то подышал на заиндевшее стекло и попытался рассмотреть нас. Вот скрипнула дверь. Два глаза посмотрели на нас сквозь щель, прорезанную в бревенчатой стене сеней. Потом загремела щеколда — и дверь открылась.

На пороге появилась девушка. В лучах электрического фонаря, который зажёл Шереметьев, мы хорошо разглядели её: по облику — карелка; смуглое, несколько скуластое лицо, две толстые косы цвета ржаной соломы и глаза какие-то жёлтые, словно из светлого янтаря. Как у кошки: вот-вот засветятся.

Одега она было по-фински: пушистый свитер верблюжьей шерсти, лыжные суконные брюки, пьексы¹ с загнутыми носками. Словно собралась на прогулку.

Молча окинула она нас недобрим взглядом и жестом пригласила войти.

Я двинулась вперёд, не снимая пальца со спускового крючка автомата. Шереметьев, не выказывая ни тревоги, ни удивления, двинулся за мной. Он ведь был лётчик бомбардировоч-

¹ Пьексы — обувь с загнутыми носками для ходьбы на лыжах.

ной авиации, привык к гостеприимству, не бывал еще на территориях, освобождённых от врага, не знал сюрпризов незнакомой земли. Я-то знала немножко больше...

Первое, что мы увидели — русскую печку с высоким челом. Груда углей пламенела и играла голубыми огоньками, озаряя избу тёплым светом. На большом столе были расставлены протвину с рыбой, уложенной в тесто.

Повидимому, хозяйева только что вытопили печь и еще не успели поставить в неё пироги с рыбой — любимое кушанье северян.

На большой скамье, прямо напротив печки, греясь в лучах жарких углей, сидел старик с длинной белой бородой, отливавшей розовым цветом, и чинил сети. От этой патриархальной картины веяло таким покоем и тишиной, что не верилось, будто рядом идёт война, что всё вокруг еще чревато опасностями.

— Здравствуйте! — пробасил сразу повеселевший Шереметьев.

Старик уронил сеть:

— Русские?! — удивился он. — Русские в нашем доме?

— А кого вы ждали? — спросила я.

Вместо ответа старик протянул руки, как лунатик, и вдруг ощупал пальцами мои руки, плечи. И тут я поняла, что он слепой.

— Русские! Русские! — взволнованно повторял старик. — Давно я не слышал русского голоса, давно сам не произносил русского слова. Четверть века не певал вам свои руны. Последний русский, которого я видел, был профессор. Он записал даже мой голос на нотной бумаге. Как это было давно!..

— А где же наши? — спросил Шереметьев.

— Вы пришли с озера Бюля-ярви, а ваши поселились на озере Юля-ярви, — ответил старик.

Шереметьев достал из планшета карту, и мы убедились, что немного промахнулись и сели на соседнее озеро, километрах в двадцати от аэродрома.

— Вот так здорово! — воскликнул Шереметьев и тут же набросился на меня: — Куда же это вы меня завезли, товарищ младший лейтенант?!

— Все эти озёра так похожи... — оправдывалась я, — да и пурга такая...

— Что же теперь делать?

— Идти на озеро Юля-ярви!..

— Идти? Я не смогу сделать по такому снегу и шагу! — возопил Шереметьев. — Идите сами, если вы такой ходок...

С этими словами Шереметьев стал снимать комбинезон. Пар валил от него, как будто он выскочил из жаркой бани.

— Отдохните у нас, переждите, пока утихнет метель, — заговорил старик, — она ненадолго...

— Хочешь не хочешь, а придётся, — сказал Шереметьев. — А вы, может быть, сбегаете на лыжах к нашим и отнесёте мою записку? — обратился он к девушке. — Ведь вы, кажется, отличная лыжница?

Девушка метнула на него насторожённый взгляд и ничего не ответила.

— Зачем же? — запротестовала я. — Перестанет снегопад, и мы перелетим на Юля-ярви! К самолёту очень близко, если пойти напрям-

мик... Оказывается, мы блуждали по извивающемуся ручью, приняв его за край озера...

— Да, да, ваш самолёт сел совсем рядом, за горой на озере Бюля-ярви, я слышал, — подтвердил старик. — Отдохните. Потом Импи укажет вам путь.

— Импи? — переспросил Шереметьев. — Это по-карельски или по-фински? Красивое имя...

— При крещении она была названа христианским именем — Марией. Это лахтари сделали её Импи, — с грустью в голосе промолвил старик.

— Кто, кто?

— Проклятые мясники — финские палачи. Они лишили меня глаз, убили сына, отняли внучку... Будь они прокляты!..

— А вы кто же, карелы? — спросил Шереметьев, участливо глядя на старика.

— Да, я карел и сын мой Николай был карел. Его смерть и сейчас перед моими глазами, как последняя картина, которую я видел в этом мире. Он стоял без шапки и смотрел на дула их ружей. Он был самый смелый охотник и никого не боялся. После залпа он еще удержался на ногах. А потом рухнул лицом в снег. Они схватили его за волосы; и тут я крикнул: «Не смейте беспокоить мёртвого!..» Убийцы рассмеялись мне в лицо...

— Кто они были?

— Это были белые финны, они гнались за красными финнами, которые уходили от них к морю. Кровь стекала у беглецов с повязок, они едва держались на лыжах. Мой сын Николай указал им тайную тропу. Волки упустили добычу... Ярость свою они обрушили на нас...

Девушка сделала протестующий жест рукой и что-то сказала по-фински.

— Что говорит Импи? — спросил Шереметьев.

— Говорит, что отец её Николай — мой сын — был плохой человек, а вот мать была настоящая финка! Враги помutilи её разум... Простите её...

Шереметьев подошёл вплотную к девушке и, глядя ей в глаза, внушительно и в то же время с теплотой в голосе сказал:

— Плохим человеком могли считать вашего отца только финские фашисты, белогвардейцы... Они действительно мясники, лавочники!..

Импи пожала плечами.

— Да, да, — отозвался старик, — в лавках нам не продавали ни спичек, ни соли... Потом запретили людям ездить на нашу мельницу...

Я поняла, что это старая история, времён восемнадцатого года, когда Финская советская республика была задушена белогвардейцами при помощи оккупационных войск немецких империалистов.

— Однако нельзя отягощать гостей своими горестями и заботами, — вздохнул старик. — Давайте-ка лучше пить чай. Русские любят чай. Затем мы угостим вас пирогами и печёной рыбой...

Он повернулся к внучке и сказал ей что-то по-фински, указывая на противни.

Импи подошла к печке, выгребла груды углей в большой чугунный горшок, затем толкнула в печь противни с рыбой и пирогами и закрыла заслонку. Делала она всё это ловко и быстро.

А старик тем временем ушёл в горницу и вернулся в обнимку с самоваром старинной тульской работы из красной меди, вся грудь в медалях.

— Этот самовар подарил мне русский профессор! Щедрый, учёный человек! Он собирал песни у карел и одаривал их хорошими вещами... Большой был человек. Ступал по полу как вы, — обратился он к Шереметьеву. — У него была борода курчавая, а череп лысый!.. Все волосы в бороду ушли...

Из деревянной бадейки налита вода. Несколько совков горячих углей — и самовар ба-совито загудел.

Повеяло домашним уютом. Расправлялись усталые плечи, отдыхали ноги.

Ничего не оставалось делать, как переждать метель в этом добротном доме, скоротать часы за самоваром.

От нечего делать я разглядывала внутреннее убранство избы. Импи пошла в чистую горницу, я за ней.

Жильё старого карела было построено в давние времена и во всём носило следы русской поморской культуры. В чёрной горнице широко расположилась русская печка — большая, с высоким челом и жаркими печурками... А в белой горнице величаво возвышалась другая печь, облицованная изразцами с картинками.

На столике, накрытом вязаной скатертью, напоминавшей рыбацкие сети, поблёскивало старинное зеркало овальной формы. Цветастый полог скрывал кровать. Рядом с кроватью грудкой были сложены сундуки старинной пет-

розаводской работы, окованные цветной жемчужной. Один громадный сундук красовался у простенка, рядом с кафельной печкой. Искусственная гравировка на его крышке особенно привлекла моё внимание...

— Карелы испокон веков дружили с Русью, — услышала я слова старика, когда вернулась в чёрную горницу. — Нарушалась эта дружба, и мрак наступал вокруг нас. Голод так придавил меня, что я вынужден был спастись внучку от смерти. Отдал её в чужие руки. Это меня-то, мельника, голод одолел! А бывало я и горя не знал, — молотил себе русскую рожь. Дешёвая была псковская рожь. Сейчас её запах помню... И хруст на зубах... От комочков сухой землицы... Её на земляных токах цепями молотили. Но мы на это не сетовали, зато доступна была беднякам. Да и свежа, душиста. А тут, как ополчились эти лахтари на всё русское, стали нам заморское зерно возить... Затхлое. Подмоченное... Солончатое, как от слёз, пролитых из-за его дороговизны...

— Да-а, — сказал Шереметьев, обращаясь ко мне. — Большое несчастье для финского народа, что власть над ним забрали фашисты. Трагическая судьба... Вот даже в каждой семье это видно...

— Карелам особенно плохо пришлось. Нас даже за людей не стали считать... А ведь «Калевала» — наша... Ох, брат русский, всего тут и не перескажешь, на всё не нажалуешься...

Шереметьев задумчиво посмотрел на Импи, которая безучастно и молча ставила на стол чайные чашки старинного фарфора, цветистый

поднос хохломской росписи и, наконец, шумный, весёлый тульский самовар.

— Вот и по-русски не хочет она говорить... И по-карельски говорить брезгает... Отняли они у нас детей, — старик дотронулся до руки Импи. Она отдёрнула руку.

— Взяли у меня внучку Машеньку... вернули мне непочётницу Импи... Имя какое-то, как крик дикой птицы.

— Как же это, Импи? — спросил Шереметьев жёлтоволостую девушку.

Перед нами была уже не просто карелка с янтарными глазами и скуластым лицом, а участница народной драмы...

Но Импи даже не повела бровью, сосредоточенно расставляя на столе посуду.

Вздыхнув, Шереметьев достал из больших карманов своего комбинезона коробку консервов, плитку шоколада, пару мандаринов, отстегнул от ремня фляжку с коньяком. Всё это поставил на стол.

Я смотрела в лицо Шереметьева и видела, что на нём отражались все чувства этого доброго человека, понимала, что ему хочется вмешаться в тяжкие судьбы этих искалеченных фашистским режимом людей, помочь им изменить жизнь к лучшему.

Я хорошо знала Володю Шереметьева. Мы выросли с ним в одном городке на Волге, были пионерами. С детства стремились помогать всем угнетённым. Помню, как собирали деньги в пользу Мопра, в помощь немецким горнякам... Мы страдали, слыша о бедствиях индусов, испанцев, немцев, переживали их беды, как собственное горе.

Импи тоже вызвала жалость к себе нашего волжского богатыря. Он стал расспрашивать у старика, как случилось, что душа у этой пышноволосяй девушки оказалась покалеченной.

И старик неторопливо рассказал, как финские фашисты, захватившие этот край, поставили вне закона всех, кто не сочувствовал им, как его мельнице объявили бойкот. Никто уже, как бывало, не приплывал к нему по озёрам на лодках молоть рожь и ячмень.

Внучку забрали в приют. Там внушали ей, что отец её был изменником. Внушали, что она должна искупить «грех» своего отца трудом и молитвами. И травили девчонку. С ней не играли сверстницы. А когда стала невестой — ни один парень не решался посвататься к ней, как к прокажённой...

— Ничего, — сказал Шереметьев, выслушав всю эту историю, — ничего, Импи, — теперь всё будет иначе. Всё пойдёт к лучшему. Оживёт этот край, заработает ваша мельница, и женихи появятся... Давайте выпьем за лучшее будущее!

Коньяк заиграл в старинных чарках золотым огнём.

Импи не без любопытства посмотрела и на коньяк и на мандарины. Увидев её взгляд, Володя оживился:

— Это всё с Кавказа, — сказал он. — Вот, Импи, настанет время, и я буду водить сюда грузо-пассажирские воздушные корабли... От моря полуденного до моря полуночного... Буду часто угощать вас золотыми яблоками... Глядишь, и на курорт свожу!

— Неужели придёт это счастье?! — оживился старик. Он выпил и прищёлкнул языком.

— О, вот точь-в-точь таким огненным чаем угощал меня знаменитый русский профессор, у которого волосы с головы ушли в бороду...

Импи выпила, не выразив ни радости, ни одобрения... Я смотрела на неё и думала: играет ли она или всё это естественно? Неужели ни слова не понимает по-русски? Ведь могла бы научиться у деда!

А старик, выпив чарку, сразу оживился:

— О!.. — воскликнул он, — добрая водка, без подделки... Узнаю русских! У русских всё крепко: водка и дружба... Вот взять профессора, который самовар мне подарил. Дружбу пуще золота ценил!

— А тот сундук с гравировкой, не его подарок? — спросила я неожиданно для самой себя. И вздрогнула от взгляда, который бросила на меня Импи.

— Сундук? Который? Вот если тот, что самый большой, как гора, так он куплен отцом моей покойной жены в Архангельске для приданого. Какой это замечательный сундук! У него крышка и изнутри — заглядишься!

— Это интересно.

Импи быстро проговорила что-то по-фински.

— Испорчен, замок испорчен, — недовольно пробормотал старик. — А какой там механизм: когда повернёшь ключ — начинает играть музыка!

При словах «музыка» Импи сняла со тени и подала старику какой-то инструмент, похожий на цитру, хотя старик и не просил де-вушку делать это.

— Ах, кантеле! — улыбнулся старик. — Я вам сыграю на кантеле и спою что-нибудь. Русские люди... добрые гости... Ещё чарочку — и дело пойдёт!

Выпив вторую чарку коньяку, старик разгладил усы, улыбнулся в бороду и перебрал туго натянутые струны.

— Я спою вам песню про наших водяных-картёжников, о причудах наших озёр.

И запел хрипловатым голосом какую-то странную мелодию, аккомпанируя себе на кантеле. Чем дальше он пел, тем внимательнее я прислушивалась к словам песни. Песня эта была необыкновенная. Я таких еще не слышала.

Жили два соседа, жили два хозяина:

Водяной Бюля, водяной Юля.

Каждый имел озеро, хорошее озеро,

Полное окуней, и налимов, и линей,

А ершишек-плутишек без счёта имел.

Скучно длиною зимою под покровом

ледяным —

Скучает Бюля, скучает Юля.

И надумали соседи в карты поиграть!

Вот засели водяные: от зари и до зари

Играют на линей, на глазастых окуней,

На лососей серебристых, на икрянистых щучих,

А ершишки-плутишки в размен идут!

И продулся Юля водяному Бюле:

И шук проиграл, и лососей проиграл,

И не только линей — всех глазастых окуней,

А ершишек-плутишек до мелочи спустил!

Вот восходит солнце, зиме поворот,

Счастливец Бюля выигрыш берёт.

У бедного Юли уплыли все шуки,

Лососи, налимы, окуни нарядные...

А ершишки-плутишки никак не плывут!

Рассердился Бюля: «Ты обманщик, Юля,

Ершей своих прячешь, отдавать не хочешь.

Я их в карты выиграл, я с водой их выпью!»

Приложился Бюля к озеру Юли,
Да так он напился, чуть не задохнулся.
Распух, да и лопнул — водой подавился!
А бедного Юлю без воды оставил.
Сидит голый Юля на мокром каменье,
Под ледяным куполом холодно Юле,
По синей по коже мурашки идут!
Заплакал тут Юля, к чёрту обратился:
«Лучше б я подох, лучше б утопился!»
Чёрт про то услышал, толкнул зайца,
Заяц скакнул к Юле, топнул о купол —
Лёд обвалился, водяной убился..
С тех пор водяных нет в озёрах этих..
Водяные, водяные, не играйте в карты,
В карты не играйте, лучше водку пейте,
Лучше водку пейте, сказку разумеите!

И старик снова потянулся к фляжке с коньяком, хотя и был слепой.

— Повторите-ка мне эту песню, — попросила я.

Импи что-то сказала очень сердито. Это обидело старика.

— Глупая сказка, говорит моя учёная внучка! И ничего она не глупая, — обратился к нам старик. — Наши озёра так устроены, что человек может своей рукой осушить одно и переполнить водами другое. Как самовар, так можно опустошить озеро Юля-ярви...

Импи снова крикнула старику что-то злое, предостерегающее. Старик замолчал.

— Нехорошо возражать старшим, — шутливо заметил Шереметьев и взял смуглую руку девушки в свои ладони.

«Он, кажется, увлёкся, — с досадой подумала я. — И бывает же так: желая людям добра, мы невольно начинаем их любить. И часто без достаточных оснований».

Мы обменялись с Импи быстрыми, недружелюбными взглядами, словно две соперницы. А старик, ощутив неловкость паузы, вдруг что-то вспомнил, бросился в горницу, с поспешностью и ловкостью удивительной для слепого, и вынес оттуда какую-то книжку.

— Вот, — сказал он, — вот тебе разговорник, русский. Его забыл у нас профессор. Он всегда пользовался этим, когда его не понимал какой-нибудь финн!

Володя взял книжку, потрёпанную, давно лишившуюся корок. Это был старый русско-финский словарь.

— Ну вот, — сказал он Импи, — теперь мы поговорим, — и, улыбаясь, стал перелистывать словарь, стараясь составить хоть какую-нибудь фразу.

А мне было не до этой забавы.

Песня старика и его пояснения о неустойчивости воды в озёрах встревожили меня. Появилось чувство, что над нами нависла какая-то угроза, и угроза прежде всего со стороны этой длинноволосой девушки... Почему она так возражала против песни, против рассказа старика об озёрах? Может быть, не хочет, чтобы знали мы об особенностях озёр? Случайно или не случайно выбрал старик из всех своих сказок именно про те озёра, на одном из которых устроен аэродром?

Импи встала и, зевнув, сказала что-то.

— Пора готовить вам постели. Надо согреть перины. Они хранятся у нас на чердаке. Помогите их принести, — сказал старик Шереметьеву.

Импи пошла вперёд, потягиваясь, как залежавшаяся кошка. У дверей вдруг обернулась, чтобы поглядеть, — пошёл ли за ней лётчик. У меня больно заныло сердце. В зевке девушки, в её движениях мне показалось много притворства. Трудно было определить, сколько ей лет — иногда она выглядела очень молодой, иногда жёсткой и сухой старой девой.

Когда они поднялись на чердак, я стала раздумывать о зерне истины в фантастической песне про водяных и рассказе старика. У нас был случай, когда, войдя на лёд, провалился трактор, потому что вода из озера за ночь ушла...

Вдруг в сенях раздался грохот. Я мгновенно бросилась туда и увидела Шереметьева на груди перин. Он свалился с чердака.

— Что случилось?

— Ничего! — зло ответил весьма смущённый Володя.

Импи лукаво что-то сказала, и старик засмеялся:

— Лётчик привык летать...

Мне было не до шуток. Из головы не выходила мысль об озёрах. Что если какой-нибудь «водяной» выпустит воду из Юля-ярви, а в это время на лёд его сядет полк наших бомбардировщиков?

Мне захотелось немедленно поделиться своей тревогой с Шереметьевым. Я решила выйти на воздух. Открыла дверь, и сени наполнились каким-то перемежающимся сиянием.

— Володя! — позвала я. — Метель прошла, на небе сполохи!

Мы остановились на крыльце, очарованные необыкновенным явлением. Природа искусно переменяла декорацию: вместо подвижного занавеса снегопада теперь перед нашими глазами небо переливалось и играло всеми цветами радуги. Север словно показывал свои тайные волшебные богатства. Несколько секунд в вышине висела кружевная огненная кайма, такая гигантская и неправдоподобная, что природа поторопилась убрать её, но тут же щедрой рукой развесила по краям неба несколько зелёных полотнищ. Затем их сменили оранжевые, синие, лиловые полосы, и вдруг они превратились в тонкие огненные нити. Глаз не успевал следить за этой игрой. Слово давая отдохнуть нашим глазам, в безбрежном воздушном океане стали перекатываться спокойные, сияющие волны света.

И они исчезли. Возникли огненные столбы и распались на причудливые ярусы, сложенные из всех оттенков красного цвета. Внезапно вселенная, показав свои богатства, вдруг опустила на землю перламутровые, серебристые шторы. Они колыхались над землёй, пропуская сквозь себя то фиолетовые, то голубые, то розовые лучи.

Если бы это продолжалось долго, человеческий глаз не мог бы выдержать. Но вдруг вспыхнул фосфоресцирующий свет, и затем всё исчезло. Повеяло пустотой и холодом стратосферы.

Я позабыла даже о своих тревогах. Схватив Шереметьева за руку, прошептала:

— Как это волшебю! Ни с чем несравнимо!

И вдруг спохватилась:

— Нужно немедленно действовать. Мне кажется, что нашему полку угрожает опасность на озере Юля-ярви. Старик что-то знает. Представь себе, что наши самолёты опускаются на лёд озера Юля-ярви... А он висит без поддержки воды, как стеклянный купол... Стоит скакнуть зайцу...

— Что ты говоришь! Как это возможно? Куда же денется вода?! — воскликнул Шереметьев.

— Тсс!.. Вдруг за нами следят! — предупредила я.

— Ты фантазёрка! — ответил он.

— Да, конечно. Но я знаю, что Лава-ярви, Юля-ярви, Бюля-ярви и другие составляют цепь озёр. Они соединены ручьями, расположены каскадом: одно озеро выше другого, и переливают из своих каменных чаш излишки воды друг другу. Стоит нарушить этот режим, прекратить отток или приток воды — и начнутся «чудеса»: в одном озере излишки воды пойдут поверх льда, образуя наледи, а в другом подо льдом окажется пустота...

— Да, но почему должны произойти все эти изменения? — всё ещё не желая верить опасности, спросил Шереметьев.

— Это может произойти по чьей-то злой воле.

— Но по чьей же?

Мы помолчали.

— Уж не думаешь ли ты, что эта девушка может иметь какое-нибудь отношение... к аэродрому на Юля-ярви?

— Так почему же она рассердилась на старика и категорически заявила, что сказка его— глупость, почему она прикрикнула на него, когда он рассказывал о причудах озёр? Что означает её волнение, насторожённость?

— Гм, а старик, по-твоему, решил нас предупредить?

— Да, может быть!

— И это всё твои догадки?

— Да.

— И эта самая... Карело-финская девушка представляется тебе диверсанткой?

— Очень похожа!

Тут Володя рассмеялся:

— Ну, знаешь, диверсантки такими не бывают! Злая, колючая. Как она нас встретила! Настоящая диверсантка тут бы мелким бесом рассыпалась! Притворилась бы дочерью революционера. Ругала бы финских белогвардейцев. Словом, ластилась бы к нам, чтобы усыпить бдительность. А эта сразу показала свой колючий характер...

— Мне кажется, здесь есть кто-то ещё. Я чувствую, просто ощущаю чьё-то постороннее присутствие... И эта скованность старика, и это обилие пирогов и рыбы... И эта насторожённость Импи... Ты помнишь, когда мы постучались и нам долго не отпирали, послышалась музыка... словно заиграла музыкальная шкатулка!

— Да это, наверное, сундук с музыкальным замком! Так, по-твоему, там прячутся диверсанты?

Володя совсем развеселился и, похлопав меня по плечу, изрёк окончательный приговор:

— Фантазёрка!

Но я не сдавалась. Я предложила немедленно перелететь на аэродром Юля-ярви. Но в это время набежала новая туча и густо повалил снег. Я с досадой глядела, как падали белые хлопья, образуя непроницаемую для взгляда белую пелену. При такой видимости аэродрома не найдёшь.

Вдруг я заметила, как недалеко от дома, между двумя валунами, метнулась белая, точно привидение, фигура.

— Гляди, там кто-то есть!

Мы оба напрягли зрение, но тщетно.

— Что ты там увидела? — недоумевал Шереметьев.

Вместо ответа я решительно двинулась к валунам, взяв наизготовку автомат. Шереметьев двумя прыжками обогнал меня, и первый оказался у валунов с пистолетом в руках.

— Кто там?! — грозно крикнул он.

Ответа не последовало. Тогда мы с двух сторон обошли валуны, но никого за ними не обнаружили. Я попыталась разглядеть следы. А как разглядишь их, раз снег вмиг замечает все?

Шереметьев бросил на меня насмешливый взгляд, спрятал пистолет и сказал:

— Не горячка ли у тебя?..

Когда мы вернулись в дом, Импи стояла у печки, прислонив к горячему кафелю перину. Одну постель она уже приготовила, теперь грела вторую. Увидев это, Володя решительно заявил:

— Мне надо выспаться! Постелите мне на этом вот большом сундуке.

Я следила за Импи. Ни один мускул не дрогнул на её смуглом лице при словах Шереметьева.

«Всё же, в сундуке что-то есть!» — окончательно решила я.

Старик мирно похрапывал, забравшись на тёплую русскую печку. А Импи бесшумно ходила в красных шерстяных носках по крашеному полу горницы, как ни в чем не бывало, укладывала на широкую крышку сундука перины, простыни, подушки, цветистое лоскутное одеяло.

Володя остался доволен такой пышной постелью. Он, сняв унты, прилёг поверх одеяла и с такой силой потянулся, что под тяжестью его тела в сундуке даже зазвенело музыкальное устройство, скрытое в замке.

Импи предложила мне свою постель, под пологом, но я наотрез отказалась и направилась на кухню к лавке. Импи не протестовала. Переодевшись в длинную, до пят, сорочку и оставив на лавке свою одежду, она привернула фитиль в лампе и неслышно исчезла под пологом.

Дверь из горницы в кухню осталась открытой.

Я проверила, закрыта ли выходная дверь, взяла автомат и улеглась поверх своей постели в одежде. Некоторое время лежала молча с закрытыми глазами, предаваясь тревожным мыслям. Я решила не спать.

Неожиданно созрело решение: немедленно идти на аэродром, у самолёта переждать метель и воспользоваться первым же прояснением, чтобы взлететь. Шереметьева мне не

убедить, а действовать необходимо. Нужно немедленно взять под охрану ручьи, соединяющие Юля-ярви и Бюля-ярви. Наконец, как там мой самолёт? Тут я вспомнила о тени, метнувшейся между валунами. «Вдруг меня отсюда не выпустят?..» — мелькнула мысль.

Осторожно я натянула поверх гимнастёрки свитер из верблюжьей шерсти, на голову — шапочку с кистью, влезла в лыжные штаны Импи и вместо унтов — в её пьексы. Теперь я вполне могла сойти за неё в призрачной полутьме полярной ночи.

Очередное снежное облако пробежало. За окном стало светлей. Надо торопиться.

— Товарищ Шереметьев, — позвала я, — вы уже спите?

— Дремлю, — отозвался Володя.

— Закройте за мной дверь, — я должна сходить прогреть мотор самолёта.

— Да?.. Ну хорошо!

Шереметьев подошёл ко мне и шёпотом спросил:

— Вы всё ещё фантазируете, товарищ младший лейтенант?

— Да.

— Прекрасно. Как видите, я уже вовлечён в эту сказку и придавил своим телом крышку сундука, полного разбойников. Теперь им не вырваться!

— Товарищ Шереметьев... Володя, вы постерегите этого старика, девушку, свою жизнь... Вот вам автомат... Не спите, пока я не вернусь. На войне всякое бывает. Кто этот дед? Кто эта Импи? Разве мы знаем? А если они сорвут важную боевую операцию?

— Хорошо... Но вы... Верочка, как же ты одна?

— Я быстро... Я ведь на лыжах... как на крыльях.

— Признаться, я сейчас не смог бы стронуть с места ни одной лыжи...

— Вам нужно остаться и не спускать глаз с этой жёлтоглазой девицы... Не выпускать её ни на минуту даже за дверь. На всякий случай. Край засорен диверсантами. Вы еще этого не испытали. А нам — местным старожилам — уже приходилось кое-что видеть. Так что лучше насторожиться...

— Ну, хорошо, хорошо...

Тут я представила себе, что Импи лежит и вслушивается в наш разговор. И тогда я сказала громким шёпотом:

— Понятно, товарищ Шереметьев! Есть... Отдыхайте. Я подрулю самолёт поближе к дому, и мы перелетим на Юля-ярви.

— Ясно, действуйте, — включаясь в мою игру, так же громким шёпотом ответил Шереметьев.

Я пожала руку Володи и вышла. И когда дверь за мной захлопнулась и звякнула заложённая щеколда, у меня вдруг защемило сердце... «А вдруг я его больше не увижу?..»

В сенях я отыскала лыжи Импи и завладела ими. И только сошла с крыльца и стала на лыжи, как вдруг услышала хриплый окрик:

— Импи!

Я сильно оттолкнулась палками. Вслед прозвучала какая-то вопросительная фраза по-фински.

Делая вид, что не слышу, я убыстряла бег, направляясь вниз, в долину ручья.

Когда лыжи скользнули с горы и ветерок повеял в лицо, до меня донёлся третий окрик. Кто-то пытался остановить меня. Но было уже поздно: я выскочила из ловушки на волю. Крутой спуск всё ускорял бег моих лыж. Ветер свистел в ушах, и за спиной словно вырастали крылья!

Лыжи несли меня не к нашему аэродрому, а к озеру Бюля-ярви, где прозябал оставленный нами самолёт. Главное — уйти от погони. А если самолёт цел — перелететь на Юля-ярви, доложить командованию о своих подозрениях, а потом — на выручку Шереметьева. Он продержится, у него автомат. И, если на то пошло, советский воин должен уметь постоять за свою жизнь.

Эти мысли отвлекли моё внимание, и я чуть-чуть не наскочила на валуны, торчавшие из-под снега.

Резкий разворот. Я оглянулась, и сердце заколонуло: следом за мной неслась белая тень...

Это, видимо, был тот, кто принял меня за Импи.

От всей души пожелав ему налететь на валуны, я обошла их и устремилась дальше. Передо мной возникали то корявые, искалеченные ветром карликовые сосны, то пни от погибших деревьев, то снова груды валунов. Каждую секунду вырастала новая опасность. Налететь даже на мелкий камешек — значило расщепить лыжи, и тогда всё кончено...

Это был сумасшедший слалом.

В конце спуска, когда лыжи пошли ровней и препятствий становилось всё меньше, я перевела дух и снова оглянулась. Моего преследователя не было видно. Может быть, мне удалось всё-таки навести его на валун или на деревья. Может быть, его лыжи разлетелись в щепки, и сам он валяется в снегу? Тогда мне повезло.

Но в это время справа от меня раздался шорох. Дохнуло ветром, и перед моим лицом вдруг выросло тёмное лицо с широко расставленными глазами. Оно словно прилетело по воздуху, окутанное белым облаком взвихренного снега. В страхе я отшатнулась.

Неизвестный лыжник, в белом халате, чуть не по носкам моих лыж стрелой пронёсся поперёк моего пути, успев заглянуть мне в лицо.

Лыжник исчез мгновенно, и я поняла: увидела, что я не Импи. Потом сколько ни оглядывалась по сторонам, больше я его не видела.

С величайшей осторожностью приблизилась я к Бюля-ярви. Всмотревшись, обнаружила свой родной ПО-2. Он сиротливо стоял среди снегов, запорошённый метелью. Цел и невредим! Какое счастье!..

Трудно взлететь, когда некому раскрутить винт, когда подзастыло масло... Но можно. Сейчас попробуем.

Быстро скользят лыжи к спасительной птице. Но странно, почему белый лыжник, убедившись, что я не Импи, не преследовал меня дальше? Куда он девался? Вернулся обратно, чтобы узнать, что стало с Импи? Его встревожила её судьба? Это было непонятно. Во вся-

ком случае, мне нужно как можно скорей завести мотор, поднять самолёт и очутиться на озере Юля-ярви.

С этой мыслью я подошла к самолёту.

Вдруг ноги мои подкосились, и я села прямо в снег. Вокруг самолёта всё было истоптано, виднелись следы лыж. Сильный запах бензина подсказал мне, что кто-то слил на лёд горючее.

Очнулась я оттого, что меня стал пробирать холод. Почувствовав солёный вкус на губах, я поняла, что плачу. Сколько продолжался этот припадок малодушия, — не знаю. Я заставила себя встать на лыжи, по компасу и по карте определила прямой путь на Юля-ярви и пошла, кусая губы от бессильной досады.

На пути такие сугробы, пышные и высокие, что лыжи глубоко тонули в них. Шаг приходилось делать мелкий. Это был не бег, а тяжёлая работа по прокладке первой лыжни. Зная, что в долинах и в падах снег глубже, я выбирала путь гористей, держа курс на север, на Юля-ярви.

В небе посветлело. Мороз крепчал. В ночной тиши гулко трескались скалы и хрустел лёд на озёрах. Вначале в свитере мне показалось холодновато. Затем я разогрелась. Пистолет стал казаться всё тяжелей. Хорошо, что я не взяла автомат. Володе он теперь нужней, чем мне. В моём положении важнее всего быстрота.

Тревога за судьбу бомбардировщиков, которые должны были появиться с наступлением хорошей погоды, гнала меня вперёд. Долго я шла так, очень долго. Наконец вышла на увал, с которого оглядела местность.

Снова заиграли сполохи северного сияния, и всё вокруг озарилось причудливым серебристым светом. По одну сторону увала темнел незамерзающий ручей, бегущий, повидимому, в Юля-ярви, по эту сторону — ручей, бегущий из Юля-ярви. Значит, я вышла на гребень водораздела, и если буду идти по нему, то скоро приду на озеро и найду жильё аэродромной команды.

В одном месте я пересекла свежий лыжный след. Был ли это след того неизвестного, что принял меня за Импи, или кого-либо другого, — не знаю. Во всяком случае, край этот не пустовал. Повидимому, наши ещё не успели прочесать как следует его холмы, доли и одинокие хижины, скрытые от ветров в долинах ручьёв и каменных падах. Нужна была хорошая облава.

Мне следовало торопиться. Может быть, наши самолёты уже находятся в воздухе и вот-вот должны опуститься на лёд Юля-ярви.

Я ускорила шаг и вдруг заметила впереди человеческую фигуру. Она то наклонялась, то выпрямлялась. От того места, где чем-то занимался человек, донеслись глухие удары.

Нужно было незаметно обойти этого подозрительного незнакомца и продолжать путь на Юля-ярви. Но меня словно что-то потянуло вперёд. Затаившись среди валунов, я хорошо разглядела, что это не тот человек, который преследовал меня. На этом был смятый и грязный белый халат. В руках он держал лом и отковыривал им смёрзшиеся валуны, затем скатывал валуны в незамерзающий ручей, жур-

чавший где-то в глубине тёмной промоины, под снегами.

Поработав, он утирал пот, с опаской оглядывался по сторонам и снова принимался за дело.

Меня вдруг осенило: как только валуны, вывороченные этим человеком, попадут в воду, на них образуется наледь, они все слипнутся, смёрзнутся между собой и создадут перемычку. Так вот что делает этот незнакомец! Он прекращает доступ воды в озеро Юля-ярви!.. Значит, мои опасения оправдались! Значит, не случайна песня старика!.. Пока мы слушали песню да обогревались, да гадали что к чему, вражеские диверсанты не зевали. Они уже осуществляют то, о чём говорилось в дедовой сказке. Аэродром наш под угрозой... Может, пока один диверсант здесь прекращает доступ воды под лёд озера Юля-ярви, где-то другие враги открывают путь водам из-под льда? Старик говорил о мельнице. Вероятно, её плотина поддерживает уровень воды в озере. Значит, кто-то должен быть и там. Что же делать?

В те страшные минуты мозг мой работал быстро и напряжённо. Я чётко представила себе, как родилась песня старого карела. Зимой здесь морозы постоянно чередуются с оттепелями. Вода, попадая в трещины скал, когда замерзает, рвёт их, точно взрывчатка. В морозные дни можно было слышать, как лопаются и трещат глыбы гранита. Они скользят по склонам холмов, сваливаются в ручьи и создают перемычки, нарушающие режим

озера... Сейчас эту работу выполнял вражеский лыжник! Я схватилась за пистолет.

Но было уже поздно. Ручеёк, бормотававший в ночной тишине какую-то свою сказку, вдруг смолк. Затевать перестрелку не было смысла. Стрельбой я выдам себя, привлеку внимание других участников этой шайки. Отличные лыжники, они загонят меня, как волки... Нужно было спешить на аэродром, проскользнуть мимо врагов незамеченной.

Я тихонько приподнялась, оттолкнулась и помчалась вниз с горы, в долину ручья, бегущего из Юля-ярви.

«Володя, Володя, — билось у меня в мозгу, — неужели ты погиб, доверчивый Шереметьев?.. А может быть, они захватили тебя и тащат сейчас в позорный плен? Нет, не выйдет... Мы еще повоюем!»

И я все свои силы вкладывала в толчки палками. Как хорошо, что я надела легкий лыжный костюм! В меховом лётном комбинезоне я бы не сделала и половины этого пути.

Так шла я до тех пор, пока не увидела чёрные скалы, угрюмо нависшие над берегами озера Юля-ярви. Я их узнала. Они служили мне ориентиром для захода на посадку.

Жильё аэродромной команды и всё наше аэродромное хозяйство — прямо напротив этих скал, строго на север! Совсем недалеко!

Первым моим желанием было — по сильнее оттолкнуться палками и двинуться к своим. Но тут я обратила внимание, что протока, выпадающая из озера, удивительно узка. А скалы, нависшие над ней, все прорезаны

белыми полосами. Это трещины, заполненные льдом.

Я вспомнила лыжника, который заваливал камнями ручей, бегущий в Юля-ярви, и подумала: «А почему бы мне не завалить вот так же камнями протоку, вытекающую из Юля-ярви? Ведь пока я доберусь до своих, подниму тревогу, пока мы вернёмся и возьмём под охрану мельницу, — пройдёт время и диверсанты успеют сделать своё чёрное дело».

Вскарабкаться на скалы было делом недолгим. Меня особенно привлекала глыба гранита, нависшая над протокой с левой стороны. Она висела над ручьём, вся изъеденная дождями, морозами и ветрами, и казалось — стóит к ней прикоснуться, — рухнет вниз. Когда я взбиралась наверх, некоторые камни даже от прикосновения ноги распадались и превращались в осыпь. Я убедилась, что на морозе гранит может быть очень хрупким. Вода, проникшая в щели, режет его, точно алмаз режет стекло. Эта истина, о которой я знала раньше из школьных учебников, обрадовала меня, как великое открытие. Я попробовала пошатать вздыбившуюся глыбу, и мне показалось, что она подаётся. Но это был обман чувств. Мне так хотелось и поэтому так казалось. Все мои усилия были напрасны. Признаться, я пережила постыдное поражение. Фантазёрка!..

Когда, убедившись в своём бессилии, я спустилась на лёд озера и снова стала на лыжи, в воздухе послышался гул приближающихся самолётов. Над озером стали взлетать ракеты — сигналы, разрешавшие посадку на лёд.

Сердце каждого лётчика радуется хорошей посадке прилетевших издалека товарищей. Но не с восторгом смотрела я, как прожекторы указывали полосу приземления и быстро убирала свет, как точно совершали посадку наши серебристые двухмоторные красавцы, как быстро отруливали они к месту стоянок. А на их место приземлялись другие... Что было сил, я побежала туда, откуда взлетали ракеты.

Обойдя старт, я вышла к командному пункту и была задержана часовым.

Вскоре отряд наших лыжников-автоматчиков двинулся на боевую операцию. Я уже не могла принять в ней участия. Силы меня покинули. Едва успев сообщить координаты таинственного дома у мельницы, я потеряла сознание и попала в руки наших медиков. И долго не знала, что же произошло без меня с Володи́ей Шереметьевым.

А с ним произошло вот что.

Некоторое время после моего ухода в доме стояла тишина. Сквозь толстые брёвна, плотные двери, замёрзшие окна в горницу не донёсся окрик неизвестного, принявшего меня за Импи. Сама Импи тихо лежала в своей деревянной кровати, задрнув полог.

Но Шереметьев чувствовал, что девушка не спит. И он гнал прочь сон, стараясь представить себе мой путь на аэродром, угадать, как скоро возвращусь я с лыжниками аэродромной команды. Ему всё ещё не верилось, что и нам, и аэродрому на Юля-ярви, и самолетам, которые должны сесть на его лёд, грозит опасность.

Шереметьев досадовал на вынужденную посадку, измотавшую его силы, на то, что он сейчас бездействует, тогда, как его соратники готовятся нанести внезапный бомбовый удар по врагу. А что до остальных тревог, то он считал их плодом моей разыгравшейся фантазии.

Старый карел мирно похрапывал на тёплой печке, а его внучка, с кошачьими глазами, притаилась рядом — в своей постели. Никакая опасность, по мнению Шереметьева, не грозила с её стороны.

Володя со смущением вспомнил, как он покатился вниз по лестнице, оттого, что она, эта странная девица, нагрузив его ворохом перин, вдруг приблизила к его лицу свою щёку и потёрлась, что-то мурлыкнув, как кошка. От неожиданности он оступился и грохнулся вниз. Благо, что упал на перины. «Озорная девица!» — усмехнулся Шереметьев. Потом он как будто задремал.

И вдруг ночную тишину разбудил негромкий, но явственный стук в окно. Один удар и ещё несколько. Шереметьев вскочил на ноги и спросил:

— Кто там?

Из-за полога выскользнула Импи и, подкрутив фитиль в лампе, подошла к окну. В рубашке до пят, она несколько секунд стояла неподвижно, прильнув к морозному стеклу.

Шереметьев, отстранив от окна девушку, сам прильнул к проделанной ею проталине, но ничего, кроме белесой мути, не разглядел. Он вопросительно посмотрел на Импи. Девушка лу-

каво улыбнулась ему и нарисовала на инее, покрывавшем стекло, нечто похожее на птицу.

— Вы думаете, птица стукнула? — спросил Володя, отходя от окна.

Импи ногтём большого пальца быстро нацарапала рядом с птичкой какой-то замысловатый знак.

— Что это значит? — спросил Шереметьев.

В ответ она сверкнула золотистыми глазами и, метнувшись к своей кровати, исчезла за цветастым пологом.

Шереметьеву не понравилось поведение девушки. Больше того, оно показалось ему подозрительным.

— Что вы там написали? Покажите мне по словарю, — потребовал Шереметьев, раздвинув полог и протягивая Импи потрёпанную книжку.

Она уселась на перине и долго перелистывала страницы. Затем подчеркнула ногтем слово и подала Володе. Рядом с финским словом он прочитал русское: «сердце».

Шереметьев сердито нахмурился и ответил:

— Довольно шутить! Скажите, кто стучал в окно? Что за знак на стекле?!

Вместо ответа Импи набросила ему на шею свою пышную косу и так притянула его к себе, что он чуть не задохнулся.

Шереметьев оттолкнул девушку, уже не на шутку встревоженный. За её игрой он разглядел какую-то реальную опасность.

— Кто здесь?! — раздался вдруг с печи голос старика. — Это опять Пекко? Она снова шепчется с ним? — спросил он по-русски, обращаясь, видимо, к Шереметьеву.

— Какой Пекко? — насторожился Володя.

— Волк и сын волка! Тот, кто убил мою верную собаку, которая была у меня поводырём, будь он трижды проклят, будь он разорван медведем, утоплен моржом, заклёван совой!..

Импи крикнула что-то старику, но он не унялся:

— Я скорей сожгу этот дом, чем пушу в него воровское отродье! Ты понимаешь, русский, эта глупая девчонка, наскучившись по женихам, привадила в мой честный дом вора, сына вора. Отец этого Пекко — презренный убийца! Он убил почтальона, ограбил почту и бежал за океан. Там его зарезали в каком-то кабаке: не пошло награбленное впрок. Теперь сюда явился его отпрыск. И добывает себе богатство, хозяином хочет стать. Он ненавидит русских. Он говорит, что здесь, на дне наших озёр, скрыты великие богатства: драгоценные редкие руды. Он ждёт, что после войны сюда явятся из-за океана его друзья...

— Где же он живёт?

— Где живёт волк? Ты не знаешь? Я тоже не знаю. В ясную погоду он лежит в берлоге, а когда начнётся метель — выходит за добычей. Он ходит в волчью погоду, когда снег заметает следы. И как только начинается метель, моя внучка печёт пироги.

Шереметьев невольно взглянул на стекло окна, на знаки, нарисованные Импи. Он понял, что это предупреждение кому-то там, за окном...

Он решительно повернулся к девушке, ещё не зная, что ему предпринять. И вдруг увидел,

что она плачет. Да, плачет, без всякого притворства, утирая слёзы концом косы.

— Это ещё что? — спросил озадаченный Шереметьев.

Вместо ответа Импи вдруг схватила его шею горячими и крепкими, как клещи, руками и, глядя прямо в глаза, быстро-быстро заговорила что-то по-фински.

— Ага! — закричал вдруг старик. — Теперь тебе не надо Пекко! Ты молишь русского спасти тебя, бедную девочку, от волка Пекко? Ты плачешь? А почему ты не плакала, когда он убивал мою верную собаку? Когда он приходил в наш дом, как хозяин? Грозил мне... Издевался над моей старостью и слепотой. Над памятью моего сына... Плачь, плачь, негодница!

Шереметьев, смущённый и растерянный, с трудом высвободился из цепких рук Импи.

А старик не переставал переводить её признания:

— Она говорит, что никогда не любила Пекко. Она принимала его ухаживания потому, что была беззащитна... Да, да, она и вышла бы за него замуж, потому что не было иного выхода. Ведь если у неё не будет детей... вот этот дом, мельница, озёра, полные рыбы, — всё отойдёт как выморочное имущество — общине, которая её испортила. Иезуиты поглотят всё... И род наш кончится. Но теперь, о, русский витьязь, всё изменилось с вашим приходом... Импи просит простить, что она встретила вас неласково. Ведь ей напели в уши, будто русские — дикари, страшные варвары. Она просит вас не презирать её... Разве она недостойна

вашей жалости и защиты? Разве вы отдадите её Пекко?

Шереметьев был почти втянут в перипетии необыкновенной, сентиментальной истории. На какое-то время он позабыл о знаках на стекле, о тайне озера Юля-ярви. Может, ему представилось, будто он волшебный гость из старинных сказок, спасающий северную девушку от злодея. Вот она плачет, просит его защиты, а злодей крадётся где-то, пресмыкаясь в ночи. Оставалось только поймать его и обезвредить...

Неожиданно, откуда-то извне донеслись вдруг глухие удары. Импи вздрогнула. Шереметьев прислушался. Удары раздавались равномерно. Что это могло быть?

Происхождение ударов раньше всех понял старик.

— Мельница! — закричал он, сваливаясь с печи. — Волк, сын волка, исполняет свою угрозу! Он разрушает мою мельницу, мое богатство!

Тут Шереметьев больше не раздумывал. Отстранив Импи, быстро надел унты, меховую куртку и, схватив автомат, бросился вон из горницы.

Распахнуть дверь, скатиться по ступенькам и добежать до мельницы было делом минутным. Володя пронёсся вихрем по снегу и, достигнув бревенчатого строения, увидел человека — здоровенного, широкоплечего детину, в коротком белом халате, какие носят финские лыжники. Поставив у деревянного мельничного колеса винтовку, он вооружился ломом и сбивал им лёд с подъёмного устройства плотины.

Шереметьев не стал раздумывать над целью его действий. Для него важно было схватить этого белого волка в человечесем обличье, скрутить его и захватить в плен. Ведь это был враг, диверсант.

Взяв наизготовку автомат, Шереметьев осторожно начал спускаться по откосу к человеку. Вдруг нога его скользнула. Он рухнул наземь и стремительно покатился вниз. Здоровый, как медведь, он ударил своим телом незнакомца и сшиб его с ног. Человек в белом халате вскочил первый и набросился на Шереметьева. Далеко в сторону отлетел автомат лётчика.

Резким движением своих могучих плеч Шереметьев стряхнул врага и оказался наверху. Он прижал диверсанта к земле, пытаясь скрутить ему руки. Но тот вывернулся и сам очутился верхом на лётчике. Шереметьев напряг все силы, чтобы сбросить с себя тяжёлого и цепкого противника. Но через секунду враг снова оказался наверху, потом лётчик опять положил его на лопатки. Завязалась отчаянная борьба.

Шереметьев был сильнее и крупнее диверсанта, но тот оказался увёртлив и жилист. В нём чувствовался тренированный борец — это был Пекко.

Шереметьев видел, что Пекко пытается выхватить из-за голенища своего сапога нож и старался не допустить этого. Пекко ворчал ругательства, плевался и кусался.

Шереметьеву тоже не удавалось завладеть ножом.

И вдруг он увидел на берегу Импи. Она оделась в мой комбинезон и прибежала к мель-

нице. Шереметьев, приняв её за меня, крикнул:
— На помощь!

И в этот момент Пекко правой рукой схватил его за горло. Шереметьев обеими руками стал отдирать цепкие пальцы врага.

Не знал Шереметьев, что в эту минуту Импи подняла винтовку Пекко и целилась, прищулив свой янтарный глаз.

Шереметьев даже не слышал выстрела. Только почувствовал, что рука, стиснувшая его горло, вдруг ослабела и разжалась.

Шереметьев облегчённо вздохнул полной грудью, встал на ноги и поднял голову. Только теперь он понял, что стреляла Импи. А Импи в этот миг стояла на плотине, сжимая в руках снайперскую винтовку. Глаза её были плотно закрыты. Казалось, она без сознания.

— Импи! — крикнул Шереметьев.

Импи медленно открыла глаза. Посмотрела на него, на Пекко и выронила из рук винтовку.

— Импи! Что с вами?.. Вы метко стреляете. В такой свалке нетрудно и промахнуться! Вы спасли меня, Импи!

В это время у мельницы появился старый карел.

— Что? — спросил старик, — Пекко мёртв? Сна убила его? Он получил, что искал... О, русский, ты вселил в голубку дух орлицы... Случилось диво-дивное!

Шереметьев и сам подумал о случившемся, как о чуде. Это было почти невероятно. Ведь тёмные силы, действовавшие в Финляндии, умышленно оторвали от старого карела его

внучку и воспитали в ней ненависть к русским. И вот она, увидев первого русского, сразу прозрела, порвала с тем миром. Невероятно, но это так. Вот он, русский лётчик, стоит жив и невредим, а его страшный враг, фашистский диверсант, лежит мёртв! И всё это сделала Импи!

Импи медленно спустилась с берега и подошла к Пекко. Молча посмотрела на него. Он был тёмен лицом, скуласт. Небритая рыжая щетина делала Пекко совсем некрасивым.

Импи потрогала его подбородок носком унта и, брезгливо передёрнув плечами, отвернулась.

Шереметьева позвал старик:

— Сюда, русский, помоги мне повернуть ворот... Он уже приоткрыл вешняки, чтобы впустить воду из озера. Сын зла!.. Посмотри, нет ли где адского запала для взрыва плотины!

Шереметьев бросился к плотине. Никаких следов подготовки взрыва он не обнаружил. Но из-под деревянного щита одного из вешних водоспусков, бурля и кипя, выбивалась вода. Переполняя ручей, она пробивала себе дорогу, подмывая пушистые снежные сугробы.

Диверсант успел приподнять створ лишь немного. Поднять его выше ему помешали огромные сосульки, целые сталактиты льда. Он пытался сбить их железным ломом.

«Может быть, диверсант хотел спустить воду из Юля-ярви?»—обожгла Шереметьева мысль. И он спросил у старика:

— Где Юля-ярви, выше или ниже?

— Там, там, — указал старик выше плотины, — это уходит вода Юля-ярви...

Фантастическая картина сразу встала перед мысленным взором Шереметьева: если уйдёт вода, лёд повиснет в озере как стеклянный купол. И стоит тронуть его, скакнуть зайцу, как он рухнет...

Шереметьев бросился к старику, налёг всей грудью на крестовину деревянного ворота, чтобы перекрыть путь воде.

Деревянное устройство не подавалось.

— Импи, помогай! — крикнул Шереметьев, собирая все силы.

Импи нагнулась, подобрала нож, выпавший из руки Пекко, и в несколько прыжков очутилась позади лётчика. Она взяла нож обеими руками и, подпрыгнув, вонзила его в широкую спину Шереметьева. Пронзив меховую куртку, лезвие ходко вошло под левую лопатку в разгорячённое тело.

Володя рухнул наземь, и нож остался торчать в его спине.

Шереметьев сумел только простонать:

— Кто это?..

— Я, — ответила Импи по-русски. — Ты слышишь, я, Импи!

Шереметьев скрипнул зубами и затих.

— Вам не победить нас. Вы, русские, сильней, но мы хитрей! А теперь умирай! — и Импи наступила подошвой унта на рукоятку ножа, торчавшую из меховой куртки Шереметьева.

Старый карел остолбенело стоял на плотине, подняв к небу слепые глаза. Он понял, что произошло.

— Ну, ты доволен, старый слепец? — издевательски спросила его Импи. — Всё вышло

по-твоему: у тебя не будет правнуков-волчат от Пекко. Он действительно был вором и сыном вора... И сер, и груб, и некрасив. Но он, как и я, хотел, чтобы Великая Суоми простиралась вглубь России... Он, как и я, хотел быть богатым... А теперь смелей верти деревянный ворот, старик... Только не в ту сторону. Вот так!

Она впряглась в вагу и начала приоткрывать деревянный створ вешнякового устройства. Деревянный щит пошел вверх легче.

— Вот так, вот так! — повторяла Импи, понукая себя. Старик всё ещё стоял недвижимо, поражённый тем, что случилось.

Щит поднимался всё выше. Вода с рёвом падала вниз.

Сквозь грохот воды донёсся отдалённый гул моторов. Приближались наши бомбардировщики.

— Скорей! Скорей! — крикнула себе Импи. — Вот они летят, советские стальные птицы, не зная, что все они, сколько их ни есть в небе, — моя добыча! Это я, Импи, поставила им ледяной силоч на озере Юля-ярви... Импи догадалась, что можно сделать, используя великие силы природы. Я открыла сказочную тайну Юля-ярви... Мне посвятят свои стихи поэты белой Финляндии! И не будет у нас героини, равной мне! Кто сравнится с Импи, погубившей такую армаду воздушных кораблей?! Ты слышишь, сколько летит их, старик? Небо сотрясается!..

Старик не отвечал. Встав на колени у Шереметьева, он ошупал его холодеющее лицо и заплакал.

Закончив подъём щита, Импи ещё послушала, как гудят самолёты, полюбовалась на грохочущий водопад, хлынувший через открытый водоспуск. Потом сказала:

— Пора!

Взяла лыжи Пекко, взяла автомат Шереметьева. Затем принесла с мельницы длинную доску и положила её над водопадом, чтобы перейти на ту сторону. Доска была крива, сколота с одного конца и Импи крикнула старику:

— Дед, иди сюда, поддержи доску, чтобы я не упала... Я должна уйти, чтобы снова вернуться!

Старик тяжело, на четвереньках, подполз к краю плотины, нащупал конец доски и крепко ухватил его корявыми, узловатыми пальцами.

Импи, нагружённая лыжами и оружием, ступила на доску и пошла на ту сторону потока, через водоспуск. Доска гнулась под её тяжестью. Водопад грохотал внизу.

— Импи! — крикнул вдруг старик.

Убийца оглянулась.

И в этот момент слепец, почувствовав, что она запнулась, рывком дёрнул доску в сторону и повернул на ребро. Ноги Импи скользнули вниз. Она взмахнула руками, выпустив ношу, и рухнула в водопад. Тугая вода подбросила её, перевернула, ввергла в бучило и стала то-лочь в пене, как в ступе.

После этого на старого карела нашёл словно припадок безумия. Он заметался, набрал каких-то стружек, старого сена и поджёг мельницу. Смолистые брёвна загорелись бурно,

свирепо. На дым и пламя этого пожара и явились наши лыжники.

Первым, кого они там увидели, был слепой карел. Он сидел в свете пожара прямо на снегу и, прижимая к себе принесённое из дома кантеле, пел хриплым голосом:

Так погибла злая Импи —
Дикий выродок из рода.
Вы скорей летите, птицы,
Прилетайте, тьму развейте
Над страную Калевалы!..

Это было не сумасшествие. Он слагал новую северную руну о событии, страшно поразившем его простую душу.

Это была уже концовка его руны. Старик успел сочинить много строф при шуме пожара. Карельские сказители — замечательные импровизаторы. Мы, когда зашли в гостиницу, как раз застали эту концовку.

Можно попросить старика, и он споёт вам всю песню. Она длинная, в ней много драматических моментов.

* * *

Девушка, рассказывавшая нам эту историю, вдруг улыбнулась и взглянула куда-то поверх наших голов. И мы увидели в её серых глазах чудесные лучи, озарившие лицо ласковым тёплым светом. Мы обернулись. Позади нас стоял высокий лётчик с красивым открытым лицом.

Увлечённые рассказом, мы и не заметили, как он мягко ступил за порог в своих меховых унтах.

Он молча снял меховую куртку, поглядывая на нас с усмешкой.

— Не правда ли, страшноватая история? — спросил он. — Попробуйте написать, — не поверят. А у нас еще сохранилось доказательство. Вот посмотрите, это след финского ножа!

Мы увидели на спине его плотной куртки зашитый крепкими нитками прорез.

— Меня врачи вот так же заштопали. Рана была как раз напротив сердца. Чуть-чуть не достала!

— А эта девица с кошачьими глазами, как её там, Импи, утонула?

— Нет. Выбралась из потока на тот берег. Пыталась уйти. Но мороз крепчал, и она так вмёрзла в мокрый комбинезон, как ящерица в лёд. Едва её отогрели.

— А как же самолёты?

— Пришлось ускорить заправку и взлететь, не медля ни минуты. Лёд гремел, точно стреляли из орудий, трескался и опускался... Страшновато было, но обошлось благополучно. Удар по базе в К. удался блестяще. А потом выбрали другое озеро...

— Дорого вы заплатили за свою доверчивость! — сказал я Шереметьеву.

Лётчик потупился и ответил:

— Да, но излечился на всю жизнь. Теперь уж меня никто не проведёт.

— А что же было в сундуке с музыкальным замком?

— Белые халаты, которые Импи выстирала и выгладила к приходу диверсантов. Она их засунула туда, когда мы постучались. Тогда и слышался звон музыкального замка...

Все помолчали, обдумывая сложные судьбы людей этого сурового края, попавшего когда-

то под власть финских нацистов и теперь навсегда освобождённого...

— Да, мы живём в такое время, что всегда и везде нужно глядеть в оба.

— Глядим! — улыбнулся лётчик, поглаживая шов на меховой куртке.

Вот какую историю узнали мы в ту северную полярную ночь...

Рассказали нам её два боевых летчика, ныне пилоты гражданской авиации, счастливые супруги, известные на Севере как «экипаж Шереметьевых».

Редактор И. Ф. Стаднюк
Художник П. Н. Пинкисевич
Технический редактор С. Г. Калачев
Корректор Е. П. Пушкарева

Г93150.

Подписано к печати 17.7.53

*

Изд. №1/6582.

*

Формат бумаги $70 \times 92\frac{1}{2}$ —0,87 бум. л.—2,048 печ. л.
1,9 уч.-изд. л.

Номинал — по прейскуранту 1952 года

1-я типография имени С. К. Тимошенко
Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР

Зак. 328

*